

Тяжба Григора Нарекаци в Божьем суде

Г.А. Ароян, Н.Г. Ароян*

В течение многих веков вплоть до наших дней «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци воспринималась и комментировалась как форма молитвенника. Однако такое понимание существенно обедняет содержание произведения, так как игнорируется подлинное его значение. Особенность «Книги...» состоит не столько в том, что она написана в духе умонастроения эпохи и изложена в религиозной форме, сколько в том, что она представлена в виде полемики с Богом, вхождения с ним в прения, исполненные мольбой вплоть до бунтарского противостояния, которые, в сущности, неприемлемы и чужды жанру молитвы. В своей целостности это скорбь трагической уничтоженной души, которая превращается в общечеловеческую трагедию, в трагедию разумного бытия. При этом изображенная в «Книге...» трагедия многослойна: с одной стороны, она является отражением отчужденности человека от Бога и преодоления этого противоречия на основе утверждения непосредственной, разумной веры как истинного пути совершенствования и спасения человека, с другой – отображением духовной двойственности: борьбы добра и зла, человеческого и божественного. Авторы впервые обращают внимание на сугубо философско-религиозные аспекты этого многослойного произведения, подчеркивая то новое, что характерно для него, а именно попытки обновления учения церкви, реформистское истолкование проблемы взаимоотношения веры и разума, человека и Бога.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек, Бог, вера, разум, грех, тяжба, катарсис, церковь, бытие, трагедия, спасение, гуманизм, совершенство, религиозная философия.

А

РОЯН Гайк Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ширакского государственного университета им. М. Налбандяна, г. Гюмри, Армения.

haroyan48@mail.ru

АРОЯН Нелли Гайковна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения.

n.haroyan@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22 января 2018 г.

Цитирование: *Ароян Г.А., Ароян Н.Г.* Тяжба Григора Нарекаци в божьем суде // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 197–205.

Григор Нарекаци – автор многочисленных богословских и светских работ, но вершиной его творчества является философско-богословская поэма «Книга скорбных песнопений». Григор Нарекаци – один из тех уникальных мыслителей, в котором соединились гений и святой. Гений и святой в одном лице, про заступничество которого рассказывали бы такие мягкие по тембру легенды, какие связывает армянская агно-

графия с именем Григора, — это, кажется, единственный в своем роде случай», — пишет С.С. Аверинцев во вступительной статье к одному из переводов на русский язык «Книги скорбных песнопений» [Нарекаци 1988, 11; Аверинцев 1996, 98–99]. Как бы предчувствуя неадекватное восприятие и одностороннее толкование своего творения, автор неоднократно подчеркивает, что его книга написана в форме молитвы. О шедевре Григора Нарекаци существуют многочисленные литературно-художественные, философско-богословские, религиозно-психологические исследования на армянском языке (см.: [Хрлопян 1984]; [Мкрян 1985]; [Давтян, Лалаян 1986]; [Налбандян 1990]; [Казинян 1995]; [Хачатрян 1996]; [Петросян 2003]; [Аветисян 2005]; [Погосян 2007]; [Мирзоян 2010] и т.д.), а также ряд статей известных армянских деятелей науки и культуры — М. Абемян, Л. Шанта, П. Севака, Г. Гурзадяна и др. Существует также много статей и комментариев как на армянском, так и на иностранных языках (на русском, английском, французском и т.д.). Однако в аспекте религиозной философии данное произведение Григора Нарекаци рассматривается впервые как в этой, так и в ранее опубликованных авторами статьях [Ароян 2001]; [Ароян 2009]; [Ароян, Ароян 2013]. Тем не менее многостороннее и цельное осмысление «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци остается первоочередной задачей. Надо отмежеваться от исторически сформированных стереотипов и учитывать не форму, а содержание, не букву, а дух этого произведения. И тогда «Книгу скорбных песнопений» мы увидим как непревзойденное, многоаспектное, многоценностное и многосмысленное произведение, насыщенное аллегориями и тайнописью, вдохновляющее, как эпическая повесть, проникающая в глубины человеческой души, как «разнообразное плодотворное писание», адресованное всем разумным существам, живущим на земле. «Эта заповедь новая — книга скорбных песнопений, — пишет Нарекаци, — сочинена для живущих на земле [людей] всех возрастов, для всего множества рассеянных по миру христиан. <...> Одним — дабы молитвенно просили [за меня], другим — для благих увещаний, всем им подношу я свою книгу в виде молитв...» [Нарекаци 1988, 36–37]. На самом деле «Книга...» написана в духе умонастроения эпохи (известно, что в Средневековье исповедальное саморазоблачение было формой религиозного самовыражения, достаточно вспомнить Августина) и изложена в религиозной форме.

Итак, «Книгу...» Нарекаци следует воспринимать как обновленное толкование учения Христа, т.е. рассматривать ее нужно как произведение, созданное с целью преобразования и обновления веры и церкви. До сих пор такой принцип не стал исходной позицией толкования шедевра Нарекаци. По словам самого автора, его работа и есть торжественное истолкование библейских идеалов, учения Христа, жизненных его советов: «Даруй ты и мне, грешному, дар смело вещать о животворящей тайне благовестия Евангелия твоего - следовать за быстролетным ходом мыслей безбрежных ристалищ тобою вдохновенных заветов. Когда же я приступлю к началу торжества толкования слова, пусть снизойдет на меня милосердие твое, вещая мне своевременно о том, что достойно, полезно и угодно тебе для славы твоей божественной, во хвалу тебе и для свершения церкви вселенской» [Там же, 126]. В сущности, стержень поэмы — восстановление веры. «И в начале этих молитвенных скорбных песнопений я воздвигну здание веры...», — заявляет поэт [Там же, 54]. Естественно, возникает вопрос: что же случилось с верой и учением церкви, от чего возникла необходимость путем «торжественного толкования христианских идеалов» построить новое здание веры? Ведь здание христианской веры — это учение церкви, которое издавна было воздвигнуто отцами церкви и притом представляло собой завершенную систему. На этот вопрос отвечает сам гениальный автор — создание нового здания веры необходимо для процветания и благоустройства церкви. Средневековая церковная вера, опосредствованная сложными ритуалами, уже не могла удовлетворять нравственно-познавательным потребностям верующего человека и, естественно, не могла содействовать его духовному переустройству и усовершенствованию. Вот почему для устранения углубляющегося противоречия между верой и разумом, учением церкви и реальной жизнью Нарекаци прибегает к обновленной, светлой вере, построенной на разуме, как к средству для преодоления отчуждения верующих от Бога. Итак, отрицая официальную

точку зрения о противостоянии веры и разума, господствующую в христианском богословии, он предлагает идею их гармоничного развития, утверждая, что между верой и разумом не может быть никакого противоречия: «И действительно, ясность видения и совершенная мудрость, близость к богу и познание всевышнего суть удел веры — имени блаженного и избранного...» [Там же, 55]. Так, считая богопознание необходимой составной частью веры, гениальный поэт рассматривает установление Божественных истин в душе человека и самопознание, самосовершенствование вместе с духовными процессами. Итак, отрицая церковную веру, культ святых как безнадежную и бесполезную для спасения, гарантией истинной веры и реального спасения он считает прямое, непосредственное обращение к Богу: «И если бы они были [даже] очень близки к богу. Как древние наши патриархи, как пречисты, как пророки, безупречны, как апостолы, и найдостойнейши, как мученики... Бесплезно искать у них мне спасение» [Там же, 222]. Нарекаци уверен, что Бог как доказательство истинной веры, с божьей любовью и благосклонностью примет разумную жертву (т.е. его произведение) более, чем основной церковный ритуал — литургию: «Глас скорбных стенаний сердца моего, вопль горестный я возношу к тебе, тайновидец. И, возложив на пламя отчаяния, пожирающего мою душу, плоды смрадных желаний, возмущающих мысли мои, кадильницей воли своей посылаю Тебе. Возри, обоняй их, о милосердный, с большей любовью, нежели густой дым от приносимой жертвы всесожжения. Прими это краткое изложение моих речений с благоволением, а не с гневом. <...> Добровольный дар моей словесной жертвы» [Там же, 29].

Господствующая в средневековье теоцентрическая концепция, освобождая Бога от ответственности, считала его сущность недоступной разуму, а богопознание ограничивала церковной верой, она не только не разрешала проблему противоречивости отношения Человек — Бог, а углубляла ее (кстати, именно в рамках теоцентрической концепции христианство из учения всеобщего спасения превращается в религию личного спасения).

Иным является мнение Нарекаци о взаимоотношении Человека с Богом. Итак, главной задачей Нарекаци было преодоление отчужденности между противоположными полюсами, сближение несовершенного с совершенным и примирение этих сторон. В средние века спасение человека как греховного и несовершенного существа непосредственно ставилось в зависимость от облика Бога как носителя совершенного, милосердного, доброго, как высшего существа. Как говорил Августин, для полноценного очищения и спасения недостаточно жить добродетельной жизнью, обязательно нужно и Божественное милосердие. А по Нарекаци, в деле очищения и искупления грехов божественного милосердия недостаточно, необходима и деятельность человеческой воли и разума. Для Нарекаци источник истинной веры — не боязнь Бога, не сознание наказания, а любовь и познание, следовательно, только осмысленная, светлая вера и осознанная свободная любовь способны сотворить человека по Божественному образу и подобию. Именно поэтому Нарекаци средством достижения спасения считает не опосредованную церковную веру или милосердие Божие, а совершенное познание и полноценную любовь. В условиях всеобщего господства церкви новые толкования Нарекаци христианских идей с позиции разума, как бы тонко и с библейскими обоснованиями ни преподносились, не находились в гармонии с господствующими умонастроениями и стали призывом к борьбе с официальной церковной идеологией. Именно это, в сущности, и стало причиной преследований и личной трагедии святого.

Отправной точкой учения Нарекаци является реальная жизнь, конкретный человек, с его противоречивой сущностью, а идеалом — освобожденное от греховного зла, просветленное разумом, вооруженное мудростью и стремящееся к совершенству разумное существо. Одним словом, предметом его беспокойства является Человек и Человеческое с потребностью утверждения истинного человеколюбия и с надеждой на настоящее спасение. Так, например, вопреки библейским псалмам Нарекаци не считает себя избранником божьим, но более озабочен не личным спасением, а проблемой спасения простого человека, т.е. спасение своей собственной личности он видит в спасении

всего человечества: «Коли написанные мною молитвы помогут спасению тех, кто общится к этим животворным чувствам, сделай волей своей, о благословенный, дабы и меня причислил к ним» [Там же, 38]. Таким образом, Нарекаци из идеи всеобщей греховности выводит идею всеобщего спасения, преодолевая тем самым ограниченность, свойственную эгоцентрическим и теоцентрическим концепциям. А если спасение касается всех, то катарсис тоже приобретает всеобщий характер, и стремление усовершенствования человека превращается в озабоченность усовершенствования человечества. Такая постановка вопроса более чем актуальна сегодня, когда очищение необходимо всему человечеству.

Изображенная в «Книге...» трагедия многослойна: с одной стороны, она является отражением углубляющегося противоречия между реальной жизнью и христианским идеалом, отображением духовной двойственности, “войны противоборствующих составляющих человеческих сущностей”, с другой, осознанием ограниченных возможностей разума, его противоречивости и двойственности. Иначе говоря, в ней отражение трагичности разумного бытия. «Книга...» представляет из себя трагедию человека, оказывающегося на краю «духовной гибели», это всеохватывающая трагедия человеческой жизни, которая возникает от неумолимой борьбы добра и зла, от столкновения человеческого и божественного, представленная посредством христианских символов: «Благодетеля око явило гнев, и тот, кто есть свет по своему естеству, против брэнного существа моего распален; безмерное величие бога сталкивается с ничтожной природой моей, всегда в громе слов являя гнев против меня, пепла разумного» [Там же, 88]. В «Книге...» показана трагедия человека, оказавшегося на краю «духовной гибели». Это всеохватывающая трагедия человеческой жизни, возникающая в неустанной борьбе добра и зла, в столкновении человеческого и божественного, представлена посредством христианских символов: «Когда сжигающий свет грозит мне со всех концов; когда перед богом я должник среди должников; когда естество мое страшится божьих громов» [Нарекаци 1985, 92]. Нарекаци — певец боли и страданий рода человеческого. В основе «Книги...» лежит боль, которая, взрываясь и бунтуя в душе гениального поэта, придает личной трагедии общечеловеческий характер. Скорбные рыдания души великого гуманиста есть именно проявление безграничной любви к страдающему человеку, сознающему несовершенство земной жизни. Однако страдания Нарекаци не являются личными страданиями, они принадлежат всем, ибо его «Я» растворено в каждом. Он мучается болью всех и молится за спасение всех. Глубоко страдая за мир, наполненный людскими бедами, за мир, где в горниле бедности мучаются люди («Горе мое, жарко горит оно, яростным пламенем сердце обожжено» [Нарекаци, 1985, 104]), он стремится стать защитником людей перед Божьим судом и молится ради них: «Сам я — молящийся богу посланец мира сего», говорит Нарекаци, и добавляет: «Ибо, коли кто не относит к себе прегрешения Адама и грехи, свойственные всем, не считает своими... потеряет он праведность свою» [Нарекаци 1988, 103, 166], он просит милости и покаяния для людей, потерявших надежду спасения. Нарекаци как истинный верующий и подлинный гуманист не мог оставаться безразличным к земным страданиям людей, и поэтому для него на одной чаше весов была реальная жизнь людей, а на другой все библейские истины, взятые в совокупности. И какой великой и всеобъемлющей должна была быть любовь к страдающему человеку, и насколько глубока печаль, рожденная от сознания безвыходного существования человека, чтобы стать поводом для восстания против библейских истин. Считая себя виновным за все, что рождает «в мыслях неизменную печаль и переживания», за всю ту несправедливость и земное злое, увиденное его глазами, он берет на свои плечи еще большую ответственность. «Виновен я весь, во всем, перед всем, перед провиденьем твоим, господи, перед откровеньем твоим, перед проявлением твоим, перед нисхождением твоим устрашающим, *перед виденьем, коего сподобились очи мои, коим взыскан я взыскательнее, чем Евангелием* (выделено нами. — Г.А., Н.А.)» [Нарекаци 1985, 109]. И последовательно подчеркивая безграничную положительность Бога и противопоставив Богу земную жизнь человека как бедственную реальность, как «долину слез», Нарекаци, поляризуя небесное и земное,

человеческое и божественное, еще более выразительно показывает трагичность человека, когда, хотя и с сожалением, но с глубокой скорбью и печалью, констатирует: «...ты предусмотрел для себя правосудие, а мне, о благодетель, уготовил срам и поношение; тебе — слава достоюжная, а мне — бесчестье заслуженное; тебе — сладость поминовения, а мне — желчь прогоршкая посмертно; тебе немолчные хвали, а мне — плач, вопли и стенания; тебе — славославия, обожания полные, а мне осуждение и изгнание безнадежное; тебе — праведный суд многодостойный, а мне — ответы, полные замешательства; тебе — вознесение неизреченных величаний, а мне — позорное наказание — вылизывание пепла» [Нарекаци 1988, 79–80].

В «Книге...» присутствует очевидное требование преодоления абстрактного религиозного гуманизма и утверждение реального человеколюбия. Вообще, Нарекаци ставит все вопросы не с позиций слепой веры, а с позиций требований человека. Так, с точки зрения Нарекаци, Бог не только судья, как для Иова и Августина, и не только обвиняемый, как для героев Достоевского, а истец, ответственный за жизнь человека, имеющий перед человечеством обязанности. А если Иов, отважившись, просит Бога объяснить причину несправедливостей мира, а Алеша Карамазов, не идя против Бога, просто «не воспринимает созданный им мир», то Нарекаци, «вступив в тяжбу» с Богом, предъявляет ему «укоризненный приговор», требуя от него устранить существующие не земле несправедливости. Однако, не увидев конкретных проявлений божественного милосердия и не подчиняясь подбадриваниям и порицаниям Бога, не боясь никакого наказания, свое требование, наконец-то, превращает в восстание: «Грозил ты, но я не ужаснулся, просил, но я никогда не слушал, что есть явный признак мятежа» [Нарекаци 1988, 79]. И, несмотря на то, что всемогущество и доброта Бога неизмеримы, безграничны, тем не менее для гениального поэта остается непонятной бездейственная позитивность Бога и он, укоряя Бога за проявленное молчание и безразличие к страданиям человека, восстает против него: «Я восстал против тебя, о создатель, с яростью не меньшей, нежели ярость скопищ иудейских: не менее, нежели фараон, я ожесточил естество сердца своего: я тягался с собою не менее упорно, нежели богоборцы, и не погнушался отречься от тебя — творца всего сущего» [Там же, 45]. Таким образом, выдвигая идею защиты прав разума, Нарекаци, в противовес эгоцентрическим и теоцентрическим концепциям, развивает антропоцентрическое миропонимание.

Более того, считая средством преодоления противоречия Человек — Бог и достижения истинного спасения именно свою «Книгу...» как «бескровное жертвоприношение», как «разумный дар», гениальный святой становится примиряющим посредником в этом противоречии, и противоречащие стороны примиряются через него. Надо обладать нечеловеческой, божественной силой, чтобы примирить непримиримое, чтобы достигнув пределов Небытия, «одетый в Бога извне и изнутри» и «удивленный и охлажденный этим», не сгорел, не исчез полностью: «Какая же кара ждет меня, скверного, носящего бога извне и в себе? Я удивлен: как я не сожжен еще? Я восхищен: почему не горю? Я изумлен: как не разграблен я...» [Там же, 122]. И он способен выдержать все это, ибо его «Книга...» — произведение, созданное в сфере духа, и она приобщена к вечности, поскольку, как пишет Гегель, «...дух обладает силой сохраняться и в противоречии, а следовательно, и в страдании, возвышаясь как над злом, так и над недугом» [Гегель 1977, 26].

Нарекаци не принимает как абсолютную истину также одно из фундаментальных положений христианской религии, согласно которой человек страдает из-за собственных грехов, в результате изначального зла, присущего ему, ибо это означало бы искоренять все усилия человека, направленные на самосовершенствование. То есть это значило бы, что отождествление человеческой сущности со злом отрицает красоту и возвышенность души, тем самым ведя к потере ее духовной целостности. Как пишет К.Г. Юнг, зло всего лишь половина архетипа, дремлющего в коллективном бессознательном: «Но если бы душа была полна одним лишь злом, то никакой властью не удалось бы сделать ее привлекательной для нормального человека» [Юнг 1991, 152].

Ссылаясь на обещание Бога после потопа: «... не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердце человеческого — зло от юности его» (Быт. 8: 21),

преодоление зла Нарекаци ставит в непосредственную зависимость от развития самопознания и богопознания. Он любит жизнь и страдающего человека и, как гуманист, верит в возможность духовно-нравственного развития и самосовершенствования человека. С другой стороны, он прославление божественного совершенства как воплощение абсолютной истины и добра превращает в движущую силу самоочищения и самосовершенствования человека. Тем самым осознание греха становится как бы психологической и познавательной предпосылкой примирения Человека и Бога, а сама «Книга...» — своеобразным чистилищем. И в самом деле, чтение «Книги...» очищает и облагораживает душу человека, по словам поэта, обрезая крылья гордости и как бы поднимая человека по ступеням добродетели, ведет к сугубо человеческому, духовному. Таким образом, исчезновение зла (греха) Нарекаци видит в углубленном познании, и это, как «божественный принцип», он превращает в средство преодоления противоречия Человек — Бог, их примирение и преодоление человеческой печали. Кредо гениального святого — всеобъемлющая любовь к человеку, к этой «говорящей золотой доске», которая никак не расшатывается от сознания безграничной греховности последнего. Да, человек греховен, но как разумно-нравственное существо, как подобие Бога «...благодаяниями облагорожено, ты — подобие божие» [Нарекаци 1985, 175], он достоин любви и преклонения. Таким образом, считая веру, опирающуюся непосредственно на разумное познание как средство развития добродетели, духовного перевоплощения и усовершенствования человека, тем самым он превращает свою книгу в связующий духовный мостик не только между Человеком и Богом, но и между людьми. Нарекаци тем самым придает отвлеченному гуманизму христианства практический характер, делая упор на его земное предназначение и человеческий облик. Более того, считая познавательный процесс приобщения к Богу условием и средством очеловечивания человека, процессом создания духовной общности людей, он тем самым конкретизирует идею единства человечества. Кстати, идея единства человечества получила предметное содержание только во второй половине XX в. в результате появления глобальных проблем и осмысления общечеловеческих прав. В отличие от многих мыслителей новой и новейшей эпох (например, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Чейз), считавших фикцией понятие «человечество», которое не говорит ничего определенного, не имеет самостоятельной сущности, крайне абстрактное и бессодержательное, Нарекаци, в глубоком средневековье, исходя из восприятия общечеловеческих ценностей, выдвинул и утверждал идею духовного единства человечества. Иными словами, реальной основой понятия «Человечество» является духовное единство людей, поскольку сущность человека находится не вне общества, а в нем самом, поскольку *история Человека* не что иное, как *история человеческого*. Иначе говоря, насколько определено понятие «Человек», настолько определено и понятие «Человечество». Для Нарекаци это не абстрактное понятие, а реальный факт, с очень конкретным содержанием, которое, несмотря на множество психологических особенностей, является единством противоположностей — страстей и желаний, пороков и достоинств, присущих всем разумным существам. И он сам, который стал молящимся Богу посланцем, представляющим интересы Человечества и защищающим права Человека в Божьем Суде, как великий гуманист, считал, что каждый человек, каждый Адам, считающий себя Человеком в самом настоящем смысле этого слова, обязан быть ответственным не только за собственные грехи и поступки, но и за поступки других, т.е. нести ответственность перед человечеством. Каждый злой поступок или действие является преступлением не только для данной личности или группы, общества, а вообще перед всем человечеством и всем человеческим. Этот нарекациевский призыв более чем актуален сегодня, он имеет внутреннее созвучие как с кантовским категорическим императивом, так и с этикой экзистенциализма.

С другой стороны, по мнению Нарекаци, земное существование человека становится еще более трагичным от осознания двойственности и противоречивости разума и ограниченности его возможностей постичь смысл и сущность бытия. Хотя Нарекаци принимает, что путем совмещения разума и божественной благодати, самопознания и богопознания возможно преодолеть не только отчуждение человека от Бога, но и от-

чуждение между людьми, однако сознание невозможности изменить жизнь человеческими силами доводит поэта до отчаяния, и он предпочитает небытие бедственному существованию и скорбит о рождении человека. В процессе поиска смысла бытия у него рождается понимание трагичности человеческого бытия и перед ним стоит тягостная дилемма “быть или не быть” разумному бытию. «Днесь, поистине, не желанней ли, ...никогда не быть созданным в утробе матери и не обрести образа человеческого во чреве, не появляться в муках родов и не достигнуть света жизни, не быть вписанным в число людей и не вырасти, не возмужать, не украсить себя благолепием лица и не обрести способности говорить, нежели быть захваченным в плен грехами, столь жестокими и ужасными, что расплавится даже твердь скал, не то что брэнная плоть» [Нарекаци, 1988, 41].

Наконец, Нарекаци, как предшествующие и последующие ему мыслители (Августин, Фома Аквинский), тоже заметил возможность саморазрушения, скрытую в разумных способностях человека. Так, считая человека «прирожденным сотрудником» Бога: «Благодаря разуму ты стал вдвое лучше, чтобы вольною речью поведать о превосходстве дарованного тебе благообразия. Из-за рук, снабженных порослью гибких пальцев, чтобы управлять делами житейскими, по родству, как споспешник всещедрой десницы божьей, ты богом был назван» [Там же, 152–153], и, подчеркивая его созидательные способности и возможность совершать разумные чудесные дела, он вместе с тем беспокоился от сознания, что человек своими делами может не только сравниться с Богом, но и превзойти его: «Мне стыдно сказать, что повесть дел моих, земнородного, превыше твоих» [Там же, 189], он пророчески предупреждает грядущие поколения и все человечество об опасности крайнего рационализма, об абсолютизации возможностей разума. Вот из глубины веков он предвидит возможность злоупотребления способностями разума и предупреждает об опасности применения его достижений во вред человеку и человечеству. Но вместе с тем как реальный гуманист он далек от мизологии и снова обращается к Богу, чтобы тот сдержал человеческую мощь: «Так, явись, о господи, и не укрепляй сильнее своей десницу земнородного, не позволяй мерить силами людей милости твои» [Там же, 190]. Эти заботы и тревоги Нарекаци и на самом деле актуальны, так как одностороннее, прагматическое применение достижений разума привели к размежеванию понятия истины и добра, ставшему реальной угрозой сегодня в лице глобальных проблем.

Таким образом, «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци, представляющая человеческую жизнь в ее трагичности и возвышенности, завершается светлой верой в то, что в будущем простятся все грехи и слабости человека, наступит время бессмертного спасения и преображения жизни: «Эта книга моим голосом, будто это я, пусть вопиет вместо меня, распространяет сокрытое, разглашает тайное, оплакивает свершившееся, заставляет звучать забытое, делает явным невидимое, выкрикивает обвинения, возвещает о спрятанном в глубине, рассказывает о грехах, разоблачая незримые, показывая обличие их тайное. Пусть благодаря книге этой станут осязаемыми западни, обнаружатся ловушки, станет явным то, о чем не сказано, отцедятся остатки зла» [Нарекаци 1988, 283].

Источники и переводы – Primary Sources And Russian Translation

Гегель 1977 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Философия духа. М.: Мысль, 1977 (Hegel G.W.F. Enzyklopädie der Philosophischen Wissenschaften. Philosophie der Geist. Russian Translation).

Нарекаци 1985 – Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеарм. Владимира Микушевича. Предословие. М.: Худож. лит., 1985.

Нарекаци 1988 – Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеарм. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян и Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1988.

Юнг 1991 – *Юнг К.Г.* Душа современного человека // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991 (Das Seelenproblem des modernen Menschen. Russian Translation).

Տեղեկություններ և հղումներ – References in Armenian

Ավետիսյան 2005 – *Ազնվանիցյան 2*. Նարեկացու Գրքերը. Երևան, 2005 (*Ավետիսյան 3*. Книга Нарекации. Ереван, 2005).

Արոյան 2001 – *Հարություն Հ. Ա. Հավատ-բանականության փոխարարությունն նարեկյան ըմբռնումը // Բանբեր Երևանի համալսարանի: Հասարակական գիտություններ*. Երևան, 2001, 1 (103) (*Արոյան Գ.Ա. Отношение веры и сознания у Нарекации // Ученые записки Ереванского государственного университета. Общественные науки*. 2001. 1 (103)).

Արոյան 2009 – *Հարություն Հ. Ա. Գրիգոր Նարեկացու մարդակենտրոն աշխարհայացքը: Միջազգային գիտաժողովի նյութեր // Պրակ 1, Ստեփանակերտ, 2009 (Արոյան Գ.Ա. Антропocентризм у Нарекации // Материалы международной конференции. Часть I. Степанакерт, 2009).*

Արոյան, Արոյան 2013 – *Հարություն Հ., Հարոյան Ն. Միջնադարի մեծ մարդասերը: Բանբեր Երևանի համալսարանի // Հասարակական գիտություններ: Փիլիսոփայություն, Հոգեբանություն*. Երևան, 2013, 139. 4 (*Արոյան Գ.Ա., Արոյան Կ.Գ. Великий средневековый гуманист Григор Нарекации // Ученые записки Ереванского государственного университета. Общественные науки. Философия, психология*. Ереван, 2013. Т. 139. 4).

Դավթյան, Լալայան 1986 – *Դավթյան Գ. Գ., Վ.Լալայան Է. Նարեկացու աշխարհայացքը*. Երևան, 1986 (*Դավթյան Գ.Գ., Լալայան Է.В. Мирозозрение Нарекации*. Ереван, 1986).

Կազինյան 1995 – *Ղազինյան Ա. Գրիգոր Նարեկացի. Անթիլաս*, 1995 (*Կազինյան Ա. Григор Нарекации. Антилас*, 1995).

Միրզոյան 2010 – *Միրզոյան Հ.ր. Նարեկացիական հետազոտություններ*. Երևան, 2010 (*Միրզոյան Գր. Исследования о Нарекации*. Ереван, 2010).

Մկրյան 1985 – *Մկրյան Մ. Գրիգոր Նարեկացի*. Երևան, 1985 (*Մկրյան Մ. Григор Нарекации*. Ереван, 1985).

Նալբանդյան 1990 – *Նարեկացիական Վ. Գրիգոր Նարեկացի*. Երևան, 1990 (*Նալբանդյան Վ. Григор Нарекации*. Ереван, 1990).

Ստեփանյան 2003 – *Ստեփանյան Ա. Նարեկը բժշկարան*. Երևան, 2003 (*Ստեփանյան Ա. Нарек-лечебник*. Ереван, 2003).

Ստեփանյան 2007 – *Ստեփանյան Ա. Մի Նարեկացի*. Երևան, 2007 (*Ստեփանյան Ա. Мой Нарекации*. Ереван, 2007).

Մանուկյան 1996 – *Մանուկյան Մ. Գրիգոր Նարեկացի և հայկական միջնադարը. ս. Էջմիածին*, 1996 (*Մանուկյան Մ. Григор Нарекации и армянское средневековье*. Св. Эчмиацин, 1996).

Մանուկյան 1984 – *Մանուկյան Գ. Գր. Նարեկացի. Բեյրութ*, 1984 (*Մանուկյան Գ. Григор Нарекации*. Бейрут, 1984).

Տեղեկություններ և հղումներ – References in Russian

Аверинцев 1996 – *Аверинцев С.С. Роскошь узора и глубины сердца: поэзия Григора Нарекации // Аверинцев С.С. Поэты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 97–118.*

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 197–205

Grigor Narekatsi's Litigation at God's Trial

N.H. Haroyan, N.H. Haroyan

Grigor Narekatsi is a genius thinker of the Middle Ages. He is the author of many religious-theological and secular works, but his masterpiece is the philosophical-theological poem «The Book of Tragedy». In the course of many ages up to nowadays it has been perceived and commented as a Book of Prayers. However this kind of interpretation downplays the content of the book since it ignores its true meaning. The peculiarity of «The Book...» consists not in the fact that it is written in the mood of spiritual disposition of the epoch and is narrated in a religious form but in the fact that it is represented by way of a dispute with God triggering a controversy full of appeal escalating to rebellious confrontation which is in fact unacceptable and alien to the genre of prayer. In its integrity here lies the grief of a tragically humiliated soul which turns into a panhuman tragedy, into a tragedy of reasonable existence. In this regard, the tragedy portrayed in «The Book...» is multi-layered; on the one hand, it reflects human alienation from God and overcoming these controversies on the basis of unhindered reasonable faith as the true way of human perfection and redemption, on the other hand, the reflection of mental dualism: the conflict between good and evil, human and divine. The authors shed light on the proper philosophical-religious aspects of this many-sided work for the first time stressing its novelty, namely the attempts of improving the doctrine of the church, the reform-minded approach to the interpretation of the problem of interrelation between faith and reason, a human and God.

KEY WORDS: human, God, Faith, reason, sin, litigation, catharsis, church, existence, tragedy, redemption, humanism, perfection, religious philosophy.

HAROYAN Hayk A. – CSc in Philosophy, Assistant Professor of Department of History and Philosophy of Shirak State University, Gumri, Armenia.

HAROYAN Nelli H. – CSc in Psychology, Assistant Professor of Social Department of Yerevan State University, Armenia.

n.haroyan@mail.ru

Received at January, 22 2018.

Citation: Haroyan, Hayk A., Haroyan, Nelli H. (2018) “Grigor Narekatsi’s Litigation at God’s Trial”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12. (2018), pp, 197–205.

DOI: 10.31857/S004287440002605-0

References

- Averincew, Sergey S. (1996) *Poets*, Yazyki russkoi kultury, Moscow (in Russian).
- Avetisyan, Zaven (2005) *The Book of Narekatsi*, ESU, Yerevan (in Armenian).
- Davtyan, Grant G., Lalayan, Emma, V. (1986) *Narekatsi's Worldview*, Sovetakan groch, Yerevan (in Armenian).
- Haroyan, Hayk A. (2001) ‘Faith-Reason Perception of Narekaci’, *Bulletin of Yerevan University. Social Sciences*, Vol. 1(103), Erevan (in Armenian).
- Haroyan, Hayk A. (2009) ‘Antropocentric of Gr. Narekaci’, *The materials of the international conference. Part I. Dedicated to the years anniversary of the ArSU foundation*, Stepanakert (in Armenian).
- Haroyan, Hayk A., Haroyan, Nelli H. (2013) ‘The Great Humanist of the Middle Ages: Grigor Narekaci’, *Bulletin of Yerevan University. Social Sciences. Philosophy, Psychology*, Vol. 139. 4, Erevan (in Armenian).
- Kazinyan, Arshaluys (1995) *Grigor Narekatsi*, Antilas (in Armenian).
- Khachatryan, Poghos (1996) *Grigor Narekatsi and Armenia in the Middle Ages*, St Etchmiatsin (in Armenian).
- Khrlopyan, Gevorg (1984) *Grigor Narekatsi*, Beirut (in Armenian).
- Mirzoyan, Hrachik (2010) *Studies on Narekatsi*, ESU, Yerevan (in Armenian).
- Mkryan, Mkrtich (1985) *Grigor Narekatsi*, EU, Yerevan (in Armenian).
- Nalbandyan, Vache (1990) *Grigor Narekatsi*, Sovetakan groch, Yerevan (in Armenian).
- Petrosyan, Ashot (2003) *Narek-Doctor Book*, VMV Print, Yerevan (in Armenian).
- Poghosyan, Samvel (2007) *My Narekatsi*, Toner, Yerevan (in Armenian).